

1

Я понял, что должен писать о себе. Ведь я не такой как все и поэтому должен вести дневник. Вчера я купил толстую тетрадь и начал. А о чем писать? Живу я один. Я не считаю свою мать-алкоголичку и этих двух сук, моих сестер. Да они мне даже не родные. Мать их взяла к себе после гибели двоюродной сестры, думала на время, думала я поиграю с ровесницами пока маленький. А потом куда их денешь? А мне даже лучше стало после их появления. Все домашние дела на них, мать ко мне цепляться перестала, видно теперь есть на кого свалить вину, а может, боится, что могу и сдачи дать. После 8 класса я один в школу стал ходить, Верке и Ленке мать запретила, хозяйство у нас большое, хоть и живем в пригороде. Жалею только, отца совсем не помню...

2

Сегодня к матери снова приперлась тетя Люда, соседка наша, такая же пьянь. Как соберутся, квасят сутки напролет, а меня к соседке в дом отправляют. Как будто по их рожам на следующий день не видно, чем они занимались. И сестриц моих почему-то дома оставляют, наливают им, наверное, за компанию. У них на следующий день рожи жутко перекошенные. Стемнело, я от соседки мимо нашего дома прохожу (в сарае у меня тетрадка припрятана), а дома то никого нет. Я еще дверь входную подергал, закрылись изнутри, сволочи. Да хоть подохните все. Я пошел в сарай, спустился в погреб за тетрадью. Чуть башку не разбил об ведро с картошкой и тут слышу, кто-то кричит. Между погребами в сарае и в доме стенка бревенчатая, толстая, понять не могу, кто и что кричит. А тут и совсем крик прекратился, тишина. А может они из погреба вылезти не могут? Я в дом и давай в дверь стучать. Тут мать из погреба вылезла и на кухню, воды попить, ну и меня увидала. Я таких матов за всю жизнь не слышал... и в дом не пустила.

3

Очень мне все это интересно стало. Пока в доме никого не было, я в погреб нырнул. Ни фига не нашел нового. Пол, стены, потолок — деревянные, четыре столба держат на кухне пол, тоже дубовые, стол, два стула — и весь интерьер. Только вот железный шкаф в углу почему-то закрыт на замок. А ведь раньше всегда открытый был, там отцовские вещи весели. Я вечером Ленку спросил, не видела ли она, что мать в погребе делала? Та побелела, как мел, и молчит. Чувствую я, что скрывают от меня какую-то тайну, а я этого не люблю.

Весь следующий день я провозился в сарае. Между погребами делал дырку, чтобы можно было заглянуть. Пилил очень аккуратно, чтобы незаметно было. Между бревнами хорошая щель получилась, весь домашний погреб виден как на ладони, и закрывается тонким брусом так, что совсем не заметно. Остался собой доволен. Вообще я люблю с деревом работать, слушается оно меня.

4

Мать велела у соседки ключ взять от ее дома, и чтобы духу моего не было. Вот и пришло мое время. Теперь осталось вечера дожждаться, да Людку с работы. А то, что они сегодня снова бухать будут до потери сознания, так это я еще утром понял. Да и у Верки с Ленкой морды как восковые маски стали, видать не по душе им эти попойки. Подождем..

Людку я издали увидел, хоть и стемнело. В наш дом как хозяйка заходит, без стука. Я за

кустами спрятался, сестры в сарае живность кормят. Пока они там, мне в погреб не попасть. Мать с соседкой уже по 50 грамм опрокинули, сидят на кухне закушивают. Верка с Ленкой в дом зашли и на пороге остановились, странно. Мать на них орать начала, она как выпьет, сатанеет просто, и на погреб показывает, те ее вроде просят о чем-то. Через стекло ни шиша не слышно. Но препирались не долго, и сеструхи мои полезли в погреб. Мать заперла в доме дверь на засов, с Людкой еще по 50 грамм дернули и стали собирать жратву и водку в сумку. Наверное, в погреб полезут, но ждать я уже не мог и помчался в сарай, там тоже в погреб спустился, брусок аккуратно вынул. А от волнений руки дрожат и во рту все пересохло. В моем погребе темнотища как у негра... а под домом свет горит. Видно все как надо. Суки эти стоят у стены, Ленка тихонько скулит, а тут и мать с соседкой приплывают, крышку в погреб закрыли, трапезу на столике разложили, лыбятся сидят.

Мать говорит:

— Ну, чего притихли? С кого начнем? Начнем со старшей, сколько Верочка ты на этой неделе замечаний получила, а?

— Всего три мама и то... не серьезные.

— Что значит не серьезные? Я тебе покажу не серьезные, а ну раздевайся!

А сама пошла железный шкаф открывать. Ключ у нее на шее на тоненьком шнурке висел. Так вот, что это за ключ. Достала два кожаных ремешка, как собачьи ошейники, только маленькие в диаметре и веревку. К столу вернулась.

Верка стоит не шевелится, вся пунцовая стала. Мать на нее рявкнула и она медленно через голову сняла платье и положила на стол, быстро сняла лифчик и закрыла грудь руками. Стоит в одних трусах и плачет. Людка ей руки от груди оторвала и ловко надела на запястья ремешки, через колечки в них веревку протянула и завязала на крючке, вбитом в столб под самым верхом.

А мать дальше:

— Теперь Леночка расскажет, что она за эту неделю заслужила?

— Мамочка, пожалуйста, не нужно, я больше не буду...

— Заткнись, — сказала мать и принесла большой ремень и две веревки.

Людка подошла сзади и задрала платье сестры на голову, а затем стянула его совсем. Мать надела на шею ремень и привязала к нему Ленкины руки. Соседка завершила композицию, содрал с несчастной лифчик.

С чувством выполненного долга две алкоголички снова сели стол принять по 150 грамм и немного перекусить. Потом Людка сказала, что мать занимается старшей сестрой, а она будет воспитывать младшую. После чего одной рукой схватила Ленку за сосок левой груди, а другую запустила ей в трусы. Та резко отпрянула назад, но боль в оттянутом соске заставила ее взвизгнуть и вернуться на место.

— Не нужно, тетя Люда, я Вас очень прошу, пожалуйста, — проныла Ленка и, повернувшись в сторону, выскользнула из рук соседки.

— Ах ты зараза, ну достала, — пьяно проревела Людка и схватив за конец веревки, свисающий с сестрино ошейника, подтащила ее к столбу. Прижав Ленку спиной к шершавому дереву, она обвела конец веревки вокруг столба и снова привязала к ошейнику.

Оставив девиц привязанными к столбам, они допили остатки водяры и дружно пошли к железному шкафу. Мать достала толстый, заплетенный змейкой ремень и небольшую веревку, а соседка долго копалась, пока ей в руки не попала пачка свечей, еще из старых

запасов, длиной 25 см. и 2, 5 см. в толщину. Схватив 2 свечки и кусок веревки, она с недоброй улыбкой направилась к своей жертве. Мать, прихватив веревкой под коленками Веркины ноги, плотно притянула их к столбу и, не слушая глупых завываний, одной рукой прижала ее животом к столбу, а другой стащила до колен трусы. Отойдя чуть назад, стала рассматривать стройную девичью фигуру. В это время соседка с садистским наслаждением стянула с извивающейся Ленки трусы, подхватила веревкой ее левую ногу под коленкой, один конец веревки перекинула через сестрину шею и туго затянула концы веревки. Младшая сестра скулила от бессилия и унижения. Ее левая коленка была подтянута почти до подбородка, открывая всеобщему обозрению всю девичью промежность. Мать подобрала с пола Ленкины трусы и туго затолкала их в рот ревущей Веры.

— А то будешь орать как в прошлый раз, — сказала она взялась за ремень.

Широко размахнувшись, мать сильно хлыстнула Верку по ягодицам. Та дернулась всем телом, насколько это позволяли веревки. Удары сыпались со сладостным свистом, и ремень громко щелкал по голому телу. Сестрин рот был заткнут трусами, что не давало ей кричать. И она, дрожа всем телом, только глухо стонала и взвизгивала.

В это время Людка мучила вторую сестру. Одной рукой она щипала ее сосиски и крутила соски, другой — грубо тискала между ног. Ленка громко вопила, давясь слезами, но никому не было до этого дела. Только я, открыв от увиденного рот и крепко сжимая в руках ставший твердым член, получал неслыханное наслаждения от криков, стонов и унижения этих грязных сук. Я задыхался от переполнявших меня чувств, не в силах оторвать взгляд от прорези в стене.

Тем временем соседка, не переставая терзать Ленке грудь, взяла свечку и начала вращательными движениями запихивать ее сестре во влагалище. После того, как свеча вошла почти на всю длину, Людка стала грубыми, размашистыми движениями трахать Ленку, засаживая свечу до упора.

Тем временем мать, исполосовав все задницу старшей сестры, устало бросила ремень на пол. Равнодушно посмотрев на вздрагивающую от рыданий Верку, она подошла к своей соседке.

— Ротьяру ей заткни, сейчас будет шоу, — визгливо сказала та.

Не успела мать услужливо зажать младшей сестре рот, как Людка схватила вторую свечку и с размаху воткнула ее Ленке в зад. От произошедшего с ней, сестра забилась в конвульсиях и глухо завизжала сквозь зажатый ладонью рот.

— Чего ты орешь, как в жопу стреляная рысь, — недовольно рявкнула мать.

— В следующий раз будешь стоять тихо, когда тебя захотят пощупать, — пьяно добавила соседка, — продолжая трахать Ленку свечками в оба отверстия.

— Заканчивай, спать пора, — зевнула мать и подойдя к Верке, развязала веревку на ее руках,

— Так, развяжешь сестру, все инструменты сложить в шкаф и чтобы больше ни звука.

Та испуганно кивнула в ответ. В это время Людка уже поднималась из погреба наверх, оставив свечки глубоко в младшей сестре.

Я медленно приходил в себя от пережитого, и пока голые сестры копались в веревках, выполз из погреба и поплелся в соседкин дом...

5

Конец... как я мог? как???

Не закрыть щель в стене между погребами?

Да я был почти без сознания, мать с бодуна полезла в сарай в погреб за рассольчиком и все

увидела. Они с соседкой вместе прибежали к ней в дом и набросились на меня как тигрицы, чуть не убили твари.

— Как, сестер небось жалеешь? — немного успокоившись спросила Людка.

— Так и надо этим сукам, еще бы добавил... — неуверенно ответил я.

— А что мать, парень то уже взрослый, пусть привыкает к девкам. А то начнет любовь, сю-сю, сопли распускать, а мы научим как с ними обращаться, да и нам забавно будет посмотреть.

Одно дело мы с тобой, а другое — Ванька их оттрахает.

От этих слов мой член начал деревенеть. Я не мог поверить, что соседка говорит на полном серьезе. Решил рискнуть:

— Мам, возьмите меня на следующий раз, а ма...

— Видала, как жалобно сученок заговорил. А знаешь, что отца твоего как раз за это...

— Ты шо сдурела, — резко оборвала ее Людка, — чего несешь?

— Ладно, — тихо выдохнула мать, — только если не будешь меня слушать и по дому работать, передумаю. Хочешь быть мужиком, так колодец почини, крышу на сарае надо подлатать...

Я выбежал на улицу сам не свой.

6

Не могу забыть последний разговор. Они меня будут учить... Да я лучше вас знаю, что с ними сделаю, дайте только волю. Я книгу в библиотеке нашел «История христианства», так в ней целая глава посвящена пыткам инквизиции. Выучил наизусть. А еще срисовал все пыточные приспособления. Их же легко сделать. А еще решил поступать в медицинское училище, чтобы не быть лохом, а заниматься любимым делом по научному.

7

Сделал из дерева две колодки. Две доски ребрами сложил и скрепил петлями, а между ними дырки прорезал для шеи (по центру) и для рук (по бокам), а еще в погребе под домом насверлил дырок в полу, в потолке, в столбах. В них одним движением можно вкрутить альпинистские крючки, а обратно и двумя руками не вытянешь. Со старой рыболовной сетки снял четыре пластмассовых шарика, просверлил их насквозь, а в дырки продел веревку.

Супер! Если шарик затолкать в рот, а веревку завязать на затылке, то ни одна сука не сможет крикнуть. А еще нарезал из кожи тонких полосок и связал плетью, как в книге описано, рубит как меч. Но самое главное — сделал по чертежу «кобылу». Круглое 1,5 метровое бревно укрепил на двух треугольных распорках, а по углам распорок приделал 4 крючка для рук и ног. Можно привязывать к кобыле и вдоль и поперек бревна.

Теперь постоянно Верку с Ленкой поддеваю, а они дуры на меня бросаются, не знают, что я это специально придумал, чтобы потом за все отомстить. Готовьтесь суки!

8

В субботу мать послала меня в магазин за водкой и сказала, что сегодня берет меня в погреб. Я сбежал за 10 минут и положил все на кухне.

В это время в дом вошли мои сестры и испуганно остановились у входа.

Продолжение следует.